

ТѢГЕЛЪ

Влада
Медведникова

Фэнтези-миры Влады Медведниковой

Влада Медведникова

Тигель

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Медведникова В.

Тигель / В. Медведникова — «Эксмо», 2023 — (Фэнтези-миры
Влады Медведниковой)

ISBN 978-5-04-247099-8

Волшебный колодец связывает девять разноцветных миров. В каждом своя магия, своя природа и жители. Хиша — юная шаманка из пустынь нижнего мира. Риз — принц из сияющего дворца верхнего. Их пути пересекаются в день затмения, и между ними образуется магическая связь, из-за которой у Риза не получается вернуться домой. Сплотившись, они отправляются в опасное путешествие по нижнему миру, где встречают союзников-исследователей, коварных шаманов и призраков из прошлого Хиши. Что бы ни случилось, Риз верит: нет ничего невозможного! Но чем дальше путь, тем больше принц задается вопросом, так ли это, или существуют катастрофы, после которых уже ничего не исправить.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-04-247099-8

© Медведникова В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Влада Медведникова Тигель

* * *

© Влада Медведникова, 2023

© Издание, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Soda Press

Cover art © by Alles, 2024

Часть 1

Нижний мир

Глава 1

Шаманка

Риз нашел ее в пустыне.

Он не помнил, долго ли брел: холод съел мысли, тело стало слишком тяжелым, каждый шаг давался с трудом. Риз то и дело останавливался, запрокидывал голову. Небосвод светлел, из плена выбиралось ржавое солнце – сперва узкий серп, за ним полумесяц. И вот выкатилось целиком. Затмение кончилось.

Верхний мир скрылся, будто его и не было никогда.

Риз перестал смотреть на небо. Вглядывался в растрескавшуюся землю, искал неприметных жуков или ростки – пусть умирающие, почти засохшие! Ведь должно быть в нижнем мире хоть что-то живое.

Но ничего живого Риз не видел. Пустыня тянулась к горизонту, дальше марево колыхалось, как воздух над очагом. Только где же тепло, где солнечный жар? Все говорили, что нижний мир тает от зноя. А оказалось не так. Мороз грыз сердце, тяжесть давила на плечи. Скоро не останется сил идти вперед.

Тогда он ее и заметил.

Сперва почудилось – впереди лежит бугристый рыжий камень или ком засохшей глины. Стоит ли подходить, тратить силы? Но Риз заставил себя: налитые свинцом ноги едва слушались, десять шагов показались вечностью. Но на миг он позабыл о невзгодах: понял, что пустыня не смогла его обмануть.

Под жестким пропыленным плащом пряталась девочка. Не шевелилась. Безвольно раскинулись руки в огромных рукавицах, лицо скрывал мятый шлем с полупрозрачным забралом.

Риз наклонился, чтобы потормозить ее, проверить, жива ли, но не совладал с тяжестью нижнего мира и рухнул на землю.

И почувствовал тепло.

Тонкими солнечными нитями оно выползло из-под плаща девочки, свивалось, струилось сквозь шлем и толстые рукавицы. Жива, понял Риз.

Подняться он не смог. Из последних сил придвинулся ближе, нырнул под плащ. Теплые нити оплели тело, проникли под кожу, согрели. Риз слышал, как стучит сердце девочки: сперва сбивчиво, а потом все спокойней, ровней. Она шевельнулась, сонно вздохнула. Риз почувствовал, что и сам проваливается в дремоту. И прежде чем беспмятство сомкнулось над ним, успел подумать: «Она не старше меня. Тоже сбежала из дома?»

* * *

Сам он сбежать не собирался.

Хотел лишь ненадолго спрятаться. Заскочил в дальнее крыло Дворца, промчался по коридору – мимо ажурных колонн, мимо сияющих зеркал, – распахнул окно и спрыгнул в сад.

Все здесь было заброшенным, диким. Ветер звенел прозрачными травами, над головой струилась листва, невесомая, как дым. В ветвях преломлялось солнце верхнего мира – белое,

морозное, еще не тронутое затмением. Воздух наполнился дыханием льда, но Ризу не было холодно.

Он долго бродил по саду. Сперва без цели, потом искал уголок, откуда видно небо. Как и все во Дворце, Риз знал: сегодня из пустоты вынырнет тень, пожрет солнце. Проглотит – и отпустит.

Риз раздвинул стебли лиан – они запели от прикосновения – и вышел на поляну. Ни дорожек там не было, ни скамеек. Лишь колодец, старый, тусклый, будто припорошенный пеплом.

– Вот ты где!

По поляне рассыпался смех. Этот голос ни с кем не спутать, и смеяться так могла только Ица, старшая сестра Риза. Она его выследила, подкралась, а он и не заметил.

Ица выскользнула из-за дерева, села на край колодца, расправила легкие полы плаща, откинула за спину серебристые косы. Взглянула искоса:

– Что же ты не пошел на крышу, Риз? Все там, ждут затмения.

Да, с крыши затмение будет видно прекрасно. Небо там свободное, раскинулось сияющим куполом от горизонта до горизонта. Сегодня на верхней галерее собрались почти все обитатели Дворца, и Мать-Королева, конечно же, тоже там. Прежде на больших собраниях она всегда подзывала Риза к себе и говорила гостям и слугам: «Риз – необычный ребенок, он родился из моих лучших мыслей. Из мыслей о том, что для меня нет ничего невозможного». Подозвала бы, конечно, и теперь, но только смотрела бы на него с разочарованием и жалостью. Ризу уже исполнилось одиннадцать лет, а он ничего еще не совершил. Ничего в нем необычного не оказалось.

– Ищут меня? – спросил Риз.

Ица улыбнулась:

– Все нет. Только я хватилась. А знаешь, что рассказывают про этот колодец?

Риз помотал головой. Неужели Ица отыскала его, чтобы поболтать? Он никогда с ней не дружил, да и понимал ее плохо. Слишком они были разными: Ица родилась из мыслей о луне.

– Говорят, – продолжала Ица, – во время затмения в колодце виден нижний мир. И если прыгнуть, пока солнце черное, то сразу там и окажешься.

– Ты это выдумала! – не поверил Риз.

Но к колодцу подошел.

Там не было даже воды, лишь земля. Изнутри каменные стенки выбелила изморозь.

Стало обидно. Выходит, Ица считает его маленьким или совсем глупым, раз решила, что он поведется на такую чушь?

Чтобы добраться до самого низа, нужно преодолеть семь миров. Каждый плотнее предыдущего, в каждом тяжелее двигаться и дышать, из каждого сложнее выпрыгнуть обратно, наверх. Риз научился спускаться только во второй мир – хотя многие и в девять лет добирались уже до четвертого! – но и там сразу становился неуклюжим и слабым.

Второй мир был пронизан лазурью. Солнце казалось зеленоватым, ноги тонули в прозрачных синих травах. Кругом бурлила жизнь: черпай горстями, пей сколько хочешь. Но, даже насытившись, Риз часто не мог выпрыгнуть домой с первой попытки. Спускаться всегда проще, но и на это нужны силы. Никто не сумеет промчатся из верхнего мира сразу в нижний!

– Начинается! – выдохнула Ица.

Сад зашелестел тревожно, будто в преддверии ночи. Риз посмотрел наверх.

Солнце меркло. Бездонная тьма ползла по белому диску, отрезала ломоть за ломтем. Небо тускнело, гасли блики в ветвях деревьев, листва и травы обращались в серый дым. Издалека, с крыши Дворца, донеслось скорбное пение – ритуальный плач. Толпа поет, а Мать-Королева, должно быть, стоит на возвышении, молча провожает светило.

Риз обернулся, заглянул в колодец и едва сдержал крик.

Дно исчезло.

Колодец уходил в немыслимую глубину, стенки его мерцали, переливались, а в самом низу разгорался алый полумесяц. Он увеличивался с каждым мигом, наливался силой, пылал зноем.

– Видишь! – воскликнула Ица. – Я не придумала!
Риз вскочил на край колодца и прыгнул.
Так он и попал в нижний мир.

* * *

– Давай ингалятор, подсоединяй скорее!
– Как она выжила? Излучение сегодня сильное, а она без нормальной защиты...
– Ты на ее ладони посмотри, видишь?

Голоса доносились сквозь глухой ритмичный скрежет. Риз шевельнулся. Тяжесть по-прежнему давила на плечи, а холод впивался иглами, прожигал до костей. Но тепло было близко: его золотые ростки тянулись навстречу. Кто же их отнял, за что?

Риз сумел открыть глаза. Приподнялся на локте, зашипел от боли в сведенных мышцах и тут же прикусил губу. Рядом со взрослыми лучше не шуметь, не злить их лишней раз.

Взрослых было двое. Огромные, широкоплечие, они склонились над столом. С потолка свисали трубки, в них булькала светлая жидкость. Высокий шкаф мигал зелеными и красными огоньками. Всюду блестел металл, а стены и пол подрагивали в такт скрипучему стуку. Будто железное сердце билось с натугой.

В воздухе качались солнечные нити. Стекали со стола, скользили мимо взрослых и растворялись, не долетев до Риза. Значит, там лежит девочка из пустыни, а эти люди заслоняют ее, не дают увидеть! Не в силах подняться, Риз пополз вперед.

И вспомнил, как оказался здесь.

Как и сейчас, он полз, цеплялся за край плаща, ловил лучи жизни. Сперва по каменной земле, потом по металлическим ступеням, по решетке-полу, скорей, скорей, пока не захлопнулась круглая дверь! Все это походило на дурной сон, а вскоре мысли и вовсе угасли. Сколько он был без сознания?

– В чем у нее руки? – спросил один из взрослых. – На краску похоже.
– Священная хна, – ответил второй. – Шаманка.
– Так, может, дух ее защитил?
– Она же ребенок еще! Не смогла бы духа призвать. Так, давай сюда, соединяю...

Щелкнул переключатель, запахло грозой и утренними травами. Риз замер, а потом вдохнул полной грудью. Стало легче.

– Эй! – позвал он.

Взрослые не ответили. Все так же возились с трубками, не обращая на Риза внимания, словно его тут и не было.

Прежде с ним такого не случалось. Но откуда этим людям знать, что он родился из лучших мыслей Матери-Королевы и живет во Дворце? Для нижнего мира он бесполезный чужак, даже встать не может.

Риз приподнялся, на четвереньках подобрался к столу. Попытался дернуть ближайшего взрослого за рукав, но пальцы упустили грубую ткань, не сумели ухватить. Человек отмахнулся, как от назойливой мухи, обернулся на миг, скользнул невидящим взглядом.

Я прозрачный, понял Риз. Стал таким неповоротливым и тяжелым, но все равно я слишком тонкий для нижнего мира. Они и правда не замечают меня, не знают, что я тут.

Что ж, так даже лучше: так они не поймут, кто отчерпнул у них силу.

Он потянулся к чужой жизни – и не удержал ни капли! Почему так, почему?

Один из взрослых шагнул в сторону, и Риз протиснулся к девочке. Золотые ростки всколыхнулись, тронули его лоб, заскользили по щекам. Стужа отступила. Неужели девочка приворожила его, и больше нигде ему не набраться сил, только рядом с ней? Шаманка. Знакомое слово, только что оно значит? То ли обещание, то ли угроза.

Над головой переговаривались взрослые, и Риз заставил себя прислушаться.

– Дышит ровно, пульс в норме. Скоро должна очнуться.

– Надо нам ехать, и так задержались.

– Да, проверь батареи, и...

Шаги прогремывали по полу, лязгнула дверь. Взрослые ушли.

Риз хотел уцепиться за край стола, подняться, рассмотреть девочку. И надо бы оглядеться, понять, куда попал: в дом или в повозку. Найти окно или лаз, выбраться наружу и прыгнуть вверх. Может, не так сложно вырваться в восьмой мир? А потом и дальше.

Но даже шевелиться было трудно. Как и под плащом в пустыне, Риз почувствовал, что проваливается в дрему. И, уже засыпая, услышал: скрежет стал громче, загудели невидимые механизмы, застучали шестерни и поршни. Пол качнулся.

Повозка, понял Риз. Мы едем.

* * *

– Дух, хватит дрыхнуть! Просыпайся уже!

Риз вздрогнул. Отпрянул, налетел на жесткий выступ, зашипел от боли и только тогда открыл глаза.

Девочка опустила рядом на корточки, ткнула кулаком в плечо. Лицо у нее было круглое и обветренное, а глаза – огромные, карие. В верхнем мире Риз ни у кого таких глаз не видел. На плечи падали две растрепанные темные косички, в них алели шнуры и бусины.

Золотые лучи вокруг нее больше не сияли – но не исчезли, Риз чувствовал их тепло.

– Ты спал и спал, – сказала девочка. – Я уже думала, тебя пнуть надо, чтобы проснулся.

– Ты кто такая? – Риз сощурился, приготовился драться. Получится ли ударить? – Почему видишь меня?

– Я Хиша, – ответила она и добавила так важно, будто была королевой: – Шаманка.

Вроде и не злая, решил Риз. Просто зазнайка.

Хиша показала ладони – рыжие, натертые краской. Сквозь нее проступали раскаленные линии, острые, как неведомые письма.

– И что это? – спросил Риз.

– Ты глупый совсем? – Хиша зажмурилась на миг, а потом сказала: – Риз. Вот как тебя зовут. Я даже имя твое вижу.

– Сама ты дура! – Риз ухватился за ножку стола – это об нее он так больно стукнулся – и встал. Это оказалось не так уж и трудно. – Валялась там одна в пустыне.

Девочка тоже поднялась, и Риз стиснул кулаки. Драться так драться.

Но Хиша вздохнула и сказала примирительно:

– Ладно, не обижайся. Ты и правда меня спас. Если бы не ты, меня бы излучение сожгло.

– Сгорела бы от холода? – не понял Риз.

Хиша мотнула головой – бусины звякнули в косах.

– Там было не холодно, а жарко, – проговорила она. – Это просто ты совсем ледяной.

Если ледяной, почему не растаял на жаре? Хотел спросить, но сдержался. А то опять она подумает, что Риз глупый.

– Есть хочешь? – спросила Хиша.

Он прислушался к себе. Голод только этого и ждал: выпрыгнул из-под тяжести и стужи, впился в желудок. Даже в глазах потемнело.

– Очень, – признался Риз.

– Вот ты и мерзнешь, потому что не ел ничего. Иди сюда.

Риз послушался, сел у стены. Хиша устроилась рядом, поставила между ними тарелку. На ней горкой лежали кубики: белые, желтые и красные. Только как их взять? Все в этом мире неподъемное.

Но Хиша держалась за края тарелки, и невидимые лучи теплой силы обволакивали еду. Риз коснулся белого кубика – и сумел поднять! Кинул в рот. Сладкий вкус растекся по языку, одурманил мысли. Риз поспешно прожевал и схватил новый кусок, а потом еще, еще и еще.

– Все, хватит! Мне тоже надо.

Хиша отодвинулась вместе с тарелкой. От горки кубиков осталась едва ли треть.

Риз не знал, что делать. Извиниться за то, что ел как дикарь, как звереныш из чаши? Да ну еще, здесь не Дворец, где чуть что надо просить прощения. Может, попробовать вычерпать золотистую силу шаманки, всю, до последней искры, а потом вырваться отсюда? Вдруг получится? Но это будет подло. И дома всегда учили: даже травинку не иссушай до конца, оставляй в ней хоть каплю жизни.

– Расскажи, как ты сюда попал, – попросила Хиша. – Я ведь еще не умею призывать духов, а других шаманов рядом не было.

Наверное, стоило промолчать. Но Риз не сдержался, заговорил, и слова покатались друг за другом. Заросший сад, лунный голос Ицы, затмение, колодец, прыжок – он и не заметил, как разболтал все. Хиша отставила опустевшую тарелку, слушала внимательно, ни о чем не спрашивала. И только в конце проговорила:

– Вот ты откуда. Из самого верхнего мира.

Риз кивнул и спохватился:

– Теперь ты. Ты как оказалась в пустыне?

Хиша вздохнула, сказала что-то, но ответ утонул в протяжном скрипе. Поршни стукнули пару раз и смолкли. Повозка остановилась.

Риз словно очнулся. Подался вперед, приготовился сорваться с места – кто знает, что сейчас случится! – и впервые по-настоящему увидел все вокруг. Металлические стены, низкий потолок с круглыми окошками, серо-синее небо за толстыми стеклами. Стол, заваленный мотками прозрачных трубок, высокие шкафы. И дверь с огромным штурвалом вместо ручки.

Штурвал повернулся сам собой, замок лязгнул и открылся. Из темного нутра повозки донесся голос:

– Хиша, иди в кабину! Поговорим, пока батареи на подзарядке.

Взрослых звали Нивер и Куго, и теперь Риз сумел их разглядеть.

Нивер оказался совсем старым: в клочковатой бороде пробилась седина, а на лбу залегли морщины. Вел себя Нивер так, будто знал все на свете. Расспрашивал Хишу, шурился, хмыкал, ничему не удивлялся.

Куго был моложе и более худощавый, но такой же загорелый. Стоял рядом, в разговор не вмешивался, только хмурился и то и дело постукивал костяшками пальцев по отколу стены. На ней мигали огоньки, светились рычаги и кнопки. Риз пытался нажимать их и дергать, но ничего не получалось. Наверное, нужно было, чтобы Хиша тоже их коснулась, оплела теплыми лучами силы.

Но Хиша сидела на скамье у входа и делала вид, что Риза тут нет. А Нивер с Куго и правда его не видели.

Эта часть повозки оказалась тесной – всего несколько шагов от стены до стены. Но как усидеть на месте? Тяжесть все еще гнула к земле, холод накатывал волнами, но Риз уже не падал, мог ходить. Попробовал даже подпрыгнуть – вышло плохо, будто скачешь в зыбучих песках. Вот он и бродил по кругу, трогал все подряд.

Одну из стен наполовину занимало окно, выгнутое, расчерченное красной сеткой. Снаружи простиралась пустыня, все та же сухая равнина в паутине трещин, лишь вдалеке тенью поднимался горный хребет.

– Мы хотим помочь, – сказал Нивер. – Если ты отбилась от экспедиции или еще что-то случилось, мы можем найти...

– Некого искать, – ответила Хиша. – Я жила в поселке, там и купол есть, и убежище, и сад. Никому помогать не надо. Кто там остался, у тех все хорошо. Я просто ушла. В паломничество.

– В паломничество, – повторил Нивер и усмехнулся. – Без защитного костюма, без провожатого и вездехода, с фляжкой воды вместо припасов? И знака паломницы у тебя на запястье нет.

Хиша покраснела и спрятала ладони в карманы. Только сейчас Риз понял, что она, как и взрослые, одета в широкие штаны и рубаху без рукавов. Но Хиша же девочка, должна носить платье! В нижнем мире все странно.

– Ладно, – сказала Хиша. – Не в паломничество. Меня выгнали. Кто-то должен был уйти, еды не хватало.

Риз замер. Выгнали!

Взрослые, видно, тоже такого не ждали. Нивер помрачнел, скрестил руки на груди. Куго пробормотал:

– Да как же так, что за дикость, почему не вызвали помощь... – И запнулся, перебил сам себя: – В этом квадрате твой поселок?

Хиша смотрела исподлобья, молчала.

– Нивер, помнишь, два года назад была буря, рекордное излучение? Я на девятой базе тогда работал. С одной из станций пришел сигнал – финальный, автоматический. Даже спасателей отправлять не стали, ясно было, что всех там сожгло.

Риз жадно ловил незнакомые слова. С ними творилось что-то странное: они обретали смысл, стоило ему посмотреть на шаманку, и тут же таяли, испарялись из памяти.

– Не автоматический, – сказала Хиша. – Это мы его отправили. Все взрослые были на поверхности, не успели даже уйти под купол. Сгорели. Внутри остались только дети.

Мы решили так сделать, чтобы нас не забрали в детдом. Два года жили одни.

Одни. Риз представил Дворец без взрослых. Пропали слуги, учителя, самые старшие братья и сестры. Даже Мать-Королева исчезла. Только дети бродят по сияющим галереям, скитаются среди кружевных колонн, как тени.

– А потом, значит, с едой стало плохо, – проговорил Нивер. – И вместо того чтобы все-таки позвать на помощь, решили выгонять по одному.

– Ну теперь всего должно хватить, – ответила Хиша. Вот только голос ее звучал неуверенно. – Меня отправили, потому что я шаманка. Хоть какой-то шанс выжить в пустыне.

Риз рванулся к Хише – боль скрутила мышцы, будто гири волок за собой, – схватил за плечо и выпалил:

– Их надо казнить! Давай поедem туда и всех их убьем!

Хиша сбросила его руку. Сказала:

– Нет.

И тут же опомнилась, взглянула в сторону, попыталась снова притвориться, что не видит Риза.

– Вот как, – проговорил Нивер и осторожно шагнул вперед. Осмотрелся, качнул головой. – Так ты все-таки не одна? Как это случилось? Никогда не слышал, чтобы дети могли призывать духов.

– Он сам меня нашел. – Хиша вздохнула. Вытащила руки из карманов и показала ладони. Острые росчерки стали еще ярче, сверкали сквозь алую краску. – Теперь мы вместе.

– Вместе, – повторил Нивер. – И ты его не только видишь, чувствуешь тоже?

– Да, – кивнула Хиша. – Как куски льда в крови.

Ему рядом с ней тепло и легче дышать, а у нее кровь стынет? Риз почти обиделся, а потом вспомнил ее слова:

«Если бы не ты, меня бы излучение сожгло». Значит, Хишу спас холод.

– Плохо дело, – сказал Нивер. – Симбиоз прогрессирует, и очень быстро. Если вас не разъединить в ближайшие дни, окажешься на всю жизнь с ним связана, все силы на него уйдут, настоящей шаманкой не станешь. Да и он не сможет вернуться в мир духов.

Так не бывает! В нижних мирах никто не остается навсегда, возвращаются, порой истощенные, сломленные, но живые. Один из наставников рассказывал, что сумел вырваться домой лишь через дюжину лет. Риз вспомнил его тусклые глаза, бескровные губы, посеревшие волосы. Представил, что станет таким же, и увидел как наяву: слуги привычно расступаются перед сыном Матери-Королевы, но смотрят с жалостью и отвращением. А сама она вздыхает и говорит: «Вот во что превратились мои лучшие мысли».

Если так, не стоит и возвращаться.

– Не бойся. – Хиша дернула его за рукав. – Что-нибудь придумаем.

Куго отвернулся к стене, принялся щелкать переключателями, торопливо нажимать на кнопки. Огоньки вспыхивали и гасли.

– В двух днях пути небольшая станция, – сказал он. – Должен там быть хоть один шаман?

– Ставь курс, – велел Нивер. – И просигналь на Базу, пусть заберут тех детей, пока они еще кого-нибудь в пустыню не выгнали.

«Идите в медицинский отсек», – велел Нивер. Хиша не стала спорить, и следом за ней Риз вернулся в комнату с высокими шкафами и металлическим столом.

Повозка тронулась в путь. Риз слушал, как грохочет ее железное сердце, как стучат и переговариваются поршни. Смотрел в круглые окна на потолке: сперва в них была лишь синева, позднее наполнили рыжие облака.

Хиша молчала. Разглядывала свои ладони, теребила бусины в косах. Узнать бы, о чем задумалась.

– Эти Нивер и Куго, они кто? – спросил Риз.

Не то чтобы это было важно. Ясно ведь: взрослые подобрали ничейную девочку и теперь распоряжаются ее судьбой. Повезло, что они добрые.

– Исследователи. – Хиша будто обрадовалась вопросу. Выпустила косу из руки, повернулась к Ризу. – Ездят по пустыне, записывают, как излучение на все влияет. Ты не думай, что везде так! Много мест, где все нормально.

И что же нормально для нижнего мира? Наставники о нем почти не рассказывали. Повторяли, что он тает от зноя, что песчинка там весит больше, чем колонна Дворца. На картинах солнце нижнего мира рисовали кровавым, а землю – похожей на пламя.

– И растет что-нибудь? – спросил Риз.

– Конечно! – Хиша глянула возмущенно, но дураком обзывать не стала. Принялась рассказывать: – Есть страны, где излучение совсем слабое, только иногда приходит с ураганом. Там разные деревья растут, целые леса. Реки есть, и море, и большие города.

Вот бы побывать там! Нарисовать настоящий нижний мир, написать про него. Глупо выпрыгивать домой сразу, когда успел увидеть только кусочек пустыни.

– Значит, доберусь до моря, – сказал Риз. – И до больших городов.

– А искать тебя не будут? – спросила Хиша. – Не придут за тобой из мира духов?

И правда, наверное, уже хватились! Ица должна была сказать. Или промолчала?

Риз понял, что старался об этом не думать. А теперь мысли хлынули: не отогнать и не избавиться.

Ему одиннадцать лет, а он все еще ничего не добился. Научился спускаться только во второй мир, да и то выпрыгивал с трудом. Надежды Матери-Королевы не оправдались, Риз оказался пустышкой. Зачем он ей там, во Дворце? Может, Ица неспроста отыскала его в саду и рассказала про колодец. Хотела, чтобы он спрыгнул.

– Не знаю, – сказал Риз. В горло будто набился лед, и голос показался чужим. – Может, и не будут искать.

Хиша нахмурилась, готова была ответить – и вдруг замерла.

Риз прислушался.

Механизмы загудели надсадней, жестче, а пол затрясся. Ненадежная, хрупкая повозка! Сейчас как заедет в трещину или налетит на камень – оси хрустнут, железо сомнется.

И почему так темно?

Риз запрокинул голову. Только что видел в окнах облака и голубое небо – а теперь все затянула грозовая мгла.

– Буря! – выдохнула Хиша. – Совсем близко!

Риз не успел ответить – она схватила его ладонь, прижала к стене и велела:

– Давай, дотянись до них! Ты дух, сможешь услышать, о чем они говорят в кабине. Я помогу!

Риз зажмурился и почувствовал, как по пальцам скользят теплые нити жизни, текут вверх по руке. Холод затаился, голодным зверем свернулся в груди, но уже не мешал дышать.

Только как расслышать разговор Нивера и Куго? Этому Риза никто не учил. Значит, надо понять самому.

Он прижался к стене, обратился в слух, и ростки силы встрепенулись, пронзили металл, скользнули дальше. Обдали скрипом и треском, каскадом шорохов, шелчками и неразборчивыми тревожными окликаками. А потом шумы стихли, остались лишь голоса.

– Скорее! Фронт излучения совсем рядом, врубай защиту! Запитай от всех батарей.

– Не получается отсюда! Не дочинили и... Надо снаружи переключать, принудительно.

– На уровень посмотри, нельзя выходить, прожжет сквозь костюмы. Давай курс на горы, оторвемся от бури.

– Мы можем шаманку отправить, пусть переключит! Дух ее прикроет.

– От такого излучения? Даже если получится, это их спаяет сразу, потом не разделить.

Гони к горам! Что ты жалеешь машину, включай полную скорость, если поднажмем – успеем.

– Не успеют, – прошептала Хиша и отпустила Риза.

Он обернулся.

Хиша сжимала кулаки, но губы у нее дрожали, а глаза словно стали еще больше. Испугалась? Заплачет?

Холод накатил с новой силой, заморозил дыхание, разодрал сердце болью. Повозка ползет по земле, она не взлетит в небо, как звенящие колесницы верхнего мира. Не сумеет оторваться от бури, та нагонит ее, обрушит нестерпимый жар. Взрослые сгорят, а Риз не почувствует ничего за стеной стужи. Может, и Хиша спасется вместе с ним. Но они останутся одни посреди пустыни.

– Нам нужно вылезти наружу. – Голос Хиши стал слабым и ломким. Не узнать. – Включим защиту.

– А ты знаешь как? – спросил Риз.

– Да, – кивнула Хиша. – У нас был похожий вездеход, только старый, не ездил, но... – Она запнулась. И тут же вскинулась, снова схватила Риза за руку. – Идем!

Пол шатался, визжали шестерни и поршни. Риз спотыкался, пытался не отстать от Хиши и сам не заметил, как оказался в закутке с тусклой лампочкой под потолком. На стенах висели шлемы с прозрачными забралами и потрепанные плащи. Хиша сорвала с крюка огромные

рукавицы, поспешно надела – ее руки утонули по локоть. Кинулась к выходу, крутанула штурвал. Дверь застонала, поддалась неохотно. В повозку ворвался едкий ветер.

Хиша оглянулась на Риза, но ничего не сказала и вылезла наружу.

Ноги налились свинцовой тяжестью, мышцы закоченели. Риз зашипел, ухватился за край двери и выбрался вслед за шаманкой.

Повозку встряхнуло – Риз едва не упал, привалился к выгнутому борту. Ветер выл, швырял клубы пыли, а над головой бурлило темное небо. Где же Хиша?

Ростки силы таяли на скобах, вбитых в бок повозки. Риз ухватился за них и полез наверх. Ступень за ступенью, мучительный путь: следы тепла ускользали, пальцы немели от холода.

– Скорее, давай! – Хиша вцепилась в него, помогла взобраться. – Вон переключатель, на корме!

Риз выпрямился и увидел тьму.

Она кружилась, вздымалась черным столбом, растекалась по небу. С каждым мигом смерч рос, приближался. Повозка раскачивалась, мчалась все быстрее, но без толку – не могла оторваться от тьмы. Вот-вот та настигнет, погребет под собой.

Риз замотал головой. Смерч пока далеко!

Хиша уже стояла на корме возле острого выступа – он торчал в спине повозки, как железный плавник. Шаманка топнула изо всех сил – и плавник распахнулся, открыл лихорадочно мигающие лампочки и разноцветные рычаги. Она схватилась за красный, потянула, навалилась всем телом.

Рычаг не шелохнулся.

Риз прыгнул к ней. Тяжелые, непослушные ступни громыкнули о крышу, боль полоснула так, что потемнело в глазах. Но он не остановился. Взялся за рычаг, надавил и зарычал от бешенства и обиды.

Не хватает сил, все здесь неподъемное, не сдвинуть!

Тьма неслась, хохотала и выла, позади ничего не осталось, лишь чернота. Риз закрыл глаза.

Руки такие тяжелые – так пусть станут еще тяжелей! Пусть превратятся в глыбы, в горы, лягут на рукоять немислимим грузом, заставят ее опуститься.

Металл раскалился, опалил ладони. Жар хлынул со всех сторон – будто не мир, а огромная печь. Риз задохнулся от зноя и злости и упрямо налег на рычаг.

Тот поддался.

Пошел вниз. Что-то щелкнуло, завизжало. Повозка дернулась, как от удара, и Риз не устоял, рухнул, покатился по горячей крыше, вцепился в выступ-плавник.

– Включили! – закричала Хиша. – Мы включили!

Ее голос звенел в тишине. Сердце машины смолкло, и ветер больше не выл так страшно. А тяжесть, куда она делась? Чугунные гири пропали, стужа превратилась в жар. Риз поднял голову.

Над повозкой переливался радужный купол. Тонкий и подвижный – огромный мыльный пузырь. Лазурные, алые и золотые пятна сменяли друг друга, а снаружи бушевала тьма.

Смерч догнал их, но не сумел раздавить.

* * *

– Вот как ты выглядишь, – сказал Нивер.

Риз с трудом сдерживался. Хотелось прыжком пересечь кабину, рвануться за дверь, вскарабкаться по горячим скобам и вдохнуть ветер пустыни. Нет, тяжесть не ушла полностью, свинцом тянулась в мышцах, отдавалась болью. Но это ерунда! Не сравнить с тем, что было.

Только побегать сейчас не получится. Нивер сказал: «Давайте поговорим». Риз знал, что это значит: нужно внимательно слушать и не спорить. Взрослые везде одинаковые.

Хиша сидела на скамье рядом с Ризом. Снова прятала руки в карманах, смотрела в окно. По ее лицу скользили цветные отблески, вспыхивали и гасли – снаружи все еще мерцал защитный купол. Буря ушла, но повозка стояла неподвижно. Набиралась сил.

Нивер громыхнул раскладным стулом и уселся посреди кабины. Куго остался возле приборов: слушал шорохи, следил, как мигают лампочки. Но то и дело оборачивался, смотрел на Риза и не скрывал любопытства.

– Выходит, вы меня теперь видите? – спросил Риз.

Нивер хмыкнул и признал с неохотой:

– Не всегда отчетливо. Иногда ты полупрозрачный, а иногда – совсем обычный мальчик, только очень бледный.

Зеркал в повозке не было, но свои руки Риз мог разглядеть. А они бледными не были – потемнели, будто на кожу лег отсвет здешнего ржавого солнца. И одежда впитала тот же цвет, стала плотной и грубой. Только чему удивляться? Риз много раз бывал во втором мире и помнил, как все там окрашивалось лазурью. У каждого мира свои законы.

Но, может, рядом с Хишей Риз и казался бледным.

– Поговорить я хотел не об этом. – Нивер тяжело вздохнул. – Вы спасли вездеход. Спасли нас. Как же теперь помочь вам?

– Нам излучение не страшно! – ответила Хиша.

Глянула с вызовом и снова отвернулась к окну. Риз ей позавидовал: она-то спорить со взрослыми не боялась. Еще бы, ведь жила без них целых два года.

– В пустыне это просто спасение, – согласился Нивер. – Но вас же спаяло теперь, получится ли разделить? Если не выйдет, ты не сможешь призывать других духов, а он не сможет вернуться к себе.

Будто знает, о чем говорит! Только возразить было нечего. Конечно, Риз уже попробовал выпрыгнуть, один раз, и второй, и третий. Хиша крикнула: «Ого, как высоко, мне так не подпрыгнуть!» Но что толку? Восьмой мир не показался даже на миг, даже краешком не выглянул.

– Придумаем что-нибудь, – буркнула Хиша. – Если вы меня в приют не сдадите.

– Есть идея получше, – усмехнулся Нивер. – Вездеход рассчитан на троих, но людей вечно не хватает, вот мы с Куго и ездим неполной командой. По правилам, я могу взять в экспедицию ученика-стажера. Думаю, вы вдвоем как раз за одного ученика сойдете. Как тебе? Получше, чем приют?

Путешествовать! Увидеть нижний мир по-настоящему, заглянуть в каждый уголок, узнать то, о чем дома лишь догадываются! Но не обманут ли их Нивер с Куго? Вдруг продадут или высадят в ближайшем оазисе?

Нет, не обманут. Им правда нужны такие помощники, ведь Хише и Ризу не страшен убийственный жар.

Похоже, Хиша подумала о том же. Нахмурилась, закусил губу, а потом решительно кивнула и вытащила руку из кармана. На ладони полыхнули острые знаки.

– Ладно, – сказала она. – Если Риз согласен, то поедem с вами и дальше.

– Согласен! – Слишком поспешно это прозвучало. Может, надо было задуматься, посомневаться для вида? Нет, отлично и так.

– Что ж, решено. – Нивер кивнул, пожал руку Хише, а потом и Ризу – осторожно, с опаской. – Сообщим на Базу, что теперь у нас полная команда.

Куго щелкнул переключателем и обернулся:

– Сигнал есть. И батареи зарядились, сейчас отключу купол, и можно ехать.

Небо меняло цвет. Солнце опускалось все ниже, заливало вершины гор раскаленной медью. Темные клочья облаков плыли на восток, гасли в сумрачной пелене, а синева над головой густела, становилась все глубже.

Крыша подрагивала, но не кренилась, не ускользала из-под ног. Повозка ползла. Риз видел, как она шарит перед собой лучами фонарей, выхватывает валуны и трещины.

Хиша сидела на краю, держалась за поручень. Воздух вокруг мерцал золотыми брызгами, не давал ей раствориться в ночи.

Риз опустил рядом, поймал одну из искр. Она растаяла в ладони, растеклась теплом.

– Чувствуешь, холодает? – спросила Хиша, не оборачиваясь. – Скоро надо будет спуститься в кабину.

И правда, ветер уже не обжигал, не дышал жаром. Только все равно не сравнить со стужей, что еще недавно глодала сердце. Нет, обычная ночная прохлада. Не всегда нижний мир тает от зноя. Зимой, наверное, тут хрустит наст и воет метель.

Внезапная мысль кольнула душу, и Риз спросил:

– А ты все еще чувствуешь лед в крови?

– Нет. – Хиша мотнула головой. – Исчез, когда мы сдвинули рычаг.

Лед исчез! Как же она теперь, что ее спасет от жгучих лучей?

– Ты их обманула? – Риз подался к ней, попытался заглянуть в глаза. – Тогда тебе опасно тут сидеть!

Хиша засмеялась, ткнула его кулаком в плечо:

– Вот ты глупый! Ты же никуда не делся. Ты что думал, меня лед защищает? Это ты меня защищаешь!

Риз хотел обидеться, огрызнуться в ответ, но не сумел. От ее слов в груди потеплело – словно сотни ростков жизни распустились в сердце.

– Жалко только, что наверх тебе не попасть, – сказала Хиша. – Я бы хотела посмотреть, что там.

Риз запрокинул голову. Небо уже почернело, созвездия проступили на нем, изогнулись манящими узорами.

– Может, и получится, – сказал Риз. Звезды смотрели на него, лучистые и близкие, совсем не такие, как дома. – Ничего невозможного нет.

Глава 2

Приказ

– Ты долго отдыхал, – сказала Королева. – Пора тебе в путь, искатель.

Креж замер. Попытался ответить, но горло сдавил ужас. Все кончено. Самый страшный кошмар стал явью.

День за днем Креж говорил себе: «Не бойся, беды в прошлом. Дюжину лет ты провел в плену у шамана, но вырвался из пекла нижнего мира. Королева смиловилась, оставила тебя во Дворце. Земля здесь прочная, не тает под ногами, не расходится туманом. Теперь все хорошо, ты в безопасности».

Почти поверил в это.

– Пощади, – выдохнула Ица.

Королева будто и не услышала, не обернулась. Смотрела на Крежа. Ее омывало сияние – обновленное солнце горело в стрельчатых окнах. Прекрасная, грозная – страшно смотреть ей в глаза. Креж потушился. Видел теперь лишь светлые полы одежд Королевы и волосы, что ниспадали до земли. Пряди переливались, искрились, как хрусталь.

– Я перед тобой, – прошептал Креж. Когда-то у него был звонкий голос, но истлел в рабстве. Остался лишь жалкий шелест. – Ты знаешь, я слаб. Не доберусь до нижнего мира.

– Не наказывай меня так! – вновь взмолилась Ица. – Я не знала, что Риз прыгнет!

Сердце заныло. Ладно он, Креж, изувеченный, перемолотый жизнью, годный лишь на то, чтобы учить детей, рассказывать о других мирах, об опасных тропах и хитростях искателей. Никому он не нужен, его оставили во Дворце из жалости. Но разве Ица заслужила изгнание? Такая юная, погибнет зря. Надо вступить, попросить за нее.

Креж глубоко вздохнул, но заговорить не успел.

Королева засмеялась. Льдистое эхо рассыпалось под высокими сводами.

– Не бойся, искатель, – сказала она. – Я проведу ритуал. Шаманская метка горит на тебе, не исчезла. Я разожду ее еще ярче, и путь откроется. Не придется спускаться из мира в мир, в одно мгновение очутишься внизу вместе с Ицей.

Креж невольно схватился за правое плечо, ссутулился. Почудилось – клеймо сейчас вспыхнет болью, проступит золотыми линиями. Но нет, рубцы не ожили пока что, не позвали шамана.

– Зачем? – сумел выговорить Креж. – Внизу я снова окажусь в рабстве у Граха. Как мне тогда искать Риза?

– Моя дочь тебе поможет, – ответила Королева. – Она родилась из мыслей о луне, изменчивой обманщице. Сегодня новолуние, Ица станет невидимой для шамана. Идите за мной.

Отвернулась, устремилась прочь, пол тихим звоном отозвался на шаги. Ица всхлипнула, подобрала края плаща и побежала следом.

Креж знал, что нельзя послушаться. Но как угнаться за Королевой и ее дочерью? Давай же, спеши на свою казнь и не споткнись, а то захромаешь, потеряешь их из виду. Пол такой скользкий, блестящий, белое солнце отражается в нем, смотри не ослепни.

Какой же огромный зал. Прежде – до рабства – Креж пересек бы его за миг. А теперь брел, как старик, как истлевшая тень. Вот наконец-то и порог, а за распахнутыми дверями – высокие хрустальные ступени. Значит, путь ведет на крышу. Совсем недавно Креж спускался оттуда, улыбался, думал о затмении, о том, как сияющий серп разрезал тьму. А у подножия лестницы услышал, что Риз, его ученик, спрыгнул в колодец миров. И для всех во Дворце настало новое затмение. Не уследили, потеряли дитя, рожденное из лучших мыслей Королевы.

Разве мог Креж это предвидеть? Он и не знал, что во Дворце есть такое опасное место. А вот Ица знала.

Последние ступени. Ветер запел, ударил в лицо, обдал холодом вышины. Крежшагнул на крышу и застыл. Небо сверкало – ни облака. Дымка не скрывала оком, серебристые волны садов стекали в долину, пики гор мерцали вдали, а за ними, невидимые отсюда, лежали земли, где прошла юность Крежа.

Он не мог насмотреться. Знал, что видит родной мир в последний раз. Единожды сбежал из рабства и вернулся сюда, но дважды не случится такое чудо.

Ветер налетел вновь, донес мольбы и рыдания Ицы. Креж вздрогнул, обернулся на голос.

Королева стояла на возвышении – там, где совсем недавно встречала затмение. Ее волосы колыхались, парили широкие рукава. Ица склонилась перед ней, причитала, закрыв лицо ладонями.

– Поднимись сюда, искатель. – Приказ Королевы заглушил все звуки, даже ветер смолк на миг.

Креж послушался.

Сердце трепыхалось отчаянно и бессильно, перед глазами плыли черные круги, воздуха не хватало. Вот и все, вот и все, кошмар вот-вот сбудется.

– Нет! – закричала Ица. – Прошу тебя, нет!

Королева взмахнула рукой, и в воздух взлетела лента. Тонкая, белая, она изогнулась дугой, опустилась на плечи Ице и Крежу.

Запахло грозой. Креж пошатнулся, судорожно вздохнул и упал на колени. Удар болью отдался в костях, наполнил голову тяжелым гулом.

Вот и все.

Сейчас боль утихнет, вместо нее на спину ляжет неподъемный груз, клеймо запыхает сквозь одежду. С небес равнодушно взглянет медное светило, озарит каменную пустыню, чахлые деревья и тесные дома нижнего мира.

Креж открыл глаза.

Белое солнце сияло в небе, ветер нес запахи дворцовых садов. Рядом с Крежем сидела Ица, дрожала, тщетно пыталась сорвать с себя ленту. Королева обходила возвышение по кругу, ступала безмолвно, не торопясь. Креж начал считать мгновения, но сбился.

Он не знал, сколько времени прошло, не знал даже, сдвинулось ли солнце, удлинились ли тени.

Королева остановилась и сказала:

– До наступления ночи метка оживет и призовет шамана. Если он пожелает – вы окажетесь внизу. Не мешкайте там и возвращайтесь с новостями о Ризе. Если же шаман вас отвергнет, я решу, что делать.

Шаги Королевы эхом разнеслись по крыше и стихли. Креж прижался щекой к каменным плитам. Нет смысла цепляться за надежду. Грах не отвергнет призыв своей метки и не упустит снова плененного духа.

Ица давно перестала плакать. Сидела, обхватив колени руками, и покачивалась. Креж старался не шевелиться – чувствовал, как от каждого движения натягивается лента Королевы. Солнце висело над пиками гор, медленно наливалось закатной лазурью. Сердце немело: в борьбе нет смысла, надежда напрасна. Впереди только рабство и смерть.

– Креж-наставник, – проговорила Ица. Тихо, почтительно, будто на уроке. – То, что ты рассказывал про шамана, – правда?

– Да. – Креж кивнул и едва не задохнулся – белая лента пережала горло и тотчас скользнула прочь. – Он не знает жалости, попасть к нему – все равно что погибнуть. Если он и правда не заметит тебя, исчезни, попробуй сбежать, выпрыгнуть в восьмой мир. Лучше тебе жить изгнанницей, прятаться от Королевы, чем...

– Креж-наставник! – Голос Ицы изменился, стал властным и твердым. – Выходит, ты сдался?

Слишком юная, ничего не видела, кроме Дворца и безопасных троп ближайших миров. Но ведь нужно предупредить, объяснить – пусть это будет последний и самый важный урок.

Но Ица не позволила, заговорила вновь:

– Она назвала тебя искателем. Значит, ты и правда прежде был смелым охотником, спускался туда, где никто не был, приносил ей чудеса из нижних миров. Давай, вспомни, как это было! Иначе мы погибнем.

Ица, дочь Королевы, выросла среди покоя и роскоши. Верит, что если Креж вернется мыслями к прошлому, то у него появятся силы, оживет надежда. Нет, только боль станет острее и чернее страх.

Но против воли Креж начал вспоминать.

«Из чьих мыслей ты родился?» – столько раз спрашивали, а Креж не знал ответа. Не из мыслей нынешней Королевы – это точно. Значит, из мыслей той, что царствовала до нее? Или его матерью была одна из сестер-изгнанниц? Это осталось тайной. Сперва Креж пытался ее разгадать, а потом смирился: быть ему безродным найденышем.

Первое, что помнил, – воды ручья. Прозрачные, но, сколько ни вглядывайся, дна не видно. Вместо него проступает лазурь, мерцает синеватый свет другого мира. И тут же цепкие руки хватают Крежа, влекут прочь от берега. Незнакомые голоса щебечут: «Мальчик, мальчик, не смотри в эти волны! Околдуют, упадешь, не выпрыгнешь!»

Потом Креж узнал: этот край зовется Хрупкие Доли. Земля там непрочная, как скорлупа, ветер доносит запахи нижних миров. Никому эта страна не нужна, ни Королеве, ни сестрам-изгнанницам. Обитель птиц и аи, древнего народа. Полупрозрачные, легконогие аи переступают с корня на корень, хватаются за лианы и ветви. Строят дома на деревьях, учат своих детей: «Бойся трещин в земле, бойся бегущей воды! Расколется мир, упадешь и погибнешь!»

Аи приютили Крежа, воспитывали и оберегали, но не давали забыть, что здесь он чужой. Пели о Дворце, о землях Королевы, о жестоких воинах и отважных искателях. Креж рос, и все чаще под его ногами хрустели корни, а ветки ломались, стоило лишь ухватиться.

«Ты слишком сильный, – вздыхали аи. – Этот край не для тебя, оступишься, рухнешь вниз».

«Тогда я буду прыгать по мирам, как искатели!» – смеялся Креж.

«Этому нужно учиться», – щебетали аи в ответ.

Они показали, где кончаются Хрупкие Доли, довели до самой границы. И ушли. Креж остался один.

Он был тогда младше Ицы и младше Риза. Но не испугался, смело шагнул на твердую землю, пошел вперед. А что было дальше? Память сохранила усталость и мрак. А после – серебряное солнце и голос старика, Йола-искателя: «Хочешь путешествовать? А что ты умеешь?»

Оказалось, что умеет Креж немало. Легко ступать, высоко взбираться, ходить по натянутым канатам. Йола-искателю это понравилось. Он не прогнал найденыша, стал учить: брал с собой во второй мир и в третий. Креж и там не растерял ловкости: подкрадывался к туманным бабочкам, разорял гнезда лазоревых птиц, срывал соцветия с деревьев. Если в находках было много живительной силы, Йол не скупился на похвалы, а лучшие диковины относил во Дворец.

Беспечные, легкие годы. Креж и правда мнил себя бесстрашным странником, мечтал спуститься в четвертый мир и ниже. Готов был сбежать, и Йол-искатель, видно, почувствовал это. Сказал: «Ладно, давно ведь спрашивают о тебе» – и отвел Крежа во Дворец.

Так Креж стал искателем Королевы.

Об этих днях и хотела напомнить Ица.

Он гордился новым званием, старался во всем быть первым. Вначале странствовал с отрядом, потом один. Прыгал из мира в мир, терпел невзгоды, жадно всматривался в незнакомые просторы, то уродливые, то прекрасные. Легких дорог не искал: бродил по гудящим топям,

крался среди переливчатых хищных цветов, прятался под камнем, пока в небе бушевал ураган алмазной пыли.

В такие мгновения душу сжигал страх. Креж клял себя и думал: «Это в последний раз, больше один не пойду». Но выбирался наверх и гордо рассказывал об опасностях и приключениях. И снова отправлялся в путь.

А путь завел Крежа в ловушку.

Он был в восьмом мире не впервые и досадовал – не находил ничего достойного Королевы. Да и искать стало трудно. Тяжесть гнула к земле, знойный воздух застревал в горле. Любой искатель знает – восьмой мир совсем близко от нижнего, они схожи, как дети, рожденные из одних мыслей. Отсюда трудно выбраться, не стоит спускаться в эти места наугад.

Креж шел медленно, раздвигал лиловые стебли. В них текла равнодушная, вязкая жизнь. Над головой зудела мошкара, то и дело налетал едкий ветер. Все не то! Где же что-нибудь особенное, неповторимое?

А потом Креж увидел. Среди изломанной травы мерцал клубок золотистых нитей. Искры танцевали, горели и манили к себе. Самородок, стусок живой силы, как в легендах!

Креж протянул руку, коснулся – и очутился во тьме.

«Дух из верхнего мира! Такие мне еще не попадались».

Грубый голос разогнал мрак, но похитителя Креж не увидел. Лежал обессиленный, раздавленный и не мог открыть глаза. Жар или холод – не разобрать – терзали тело, рвали на части. Креж понял, что погибнет. И смирился. Лучше умереть, чем терпеть чудовищную тяжесть и жгучую боль.

Но он не умер.

Похититель вернул его к жизни – обвил золотым ростком силы, заставил дышать и двигаться. Так Креж и стал рабом Граха. Сполна изведаль, каков нижний мир и его обитатели.

Грах был не простым шаманом, а знаменитым властителем духов. В его огромном бревенчатом доме жило множество рабов. Существа из разных миров: одни бессловесные и неразумные, другие смысленные и говорящие. Они мерцали и светились, порой будто превращались в дым. Каждого Грах питал своей силой, каждому находил дело. Некоторых отпускал, говорил: «Ты потрудился на славу, теперь ты свободен, отведу тебя домой». Правда ли он возвращал их в родные миры? Креж не знал. Один искристый лиловый дух не пожелал уходить, напевно умолял не прогонять, взмахивал прозрачными крыльями. Ликовал, когда шаман решил остаться.

«Тебя не отпущу, – так Грах сказал Крежу. – Думаешь, мы забыли, что вы тут творили когда-то?» И объяснять ничего не стал.

Долгие, долгие годы рабства.

Но однажды Грах доверху нагрузил маленькую повозку-вездеход, отправился в путь и взял с собой Крежа. Разбитая дорога шла сперва по предгорьям. Потом нырнула в долину, а оттуда – в темный лаз, под своды гор. Путь тянулся, лучи фонарей шарили по скальным стенам и по низкому потолку. Креж ни о чем не думал, сидел неподвижно. Надежда давно умерла, а страх иссох, шуршал на дне души.

В туннеле шаман молчал, не проронил ни слова. И лишь когда впереди забрезжил дневной свет, Грах заговорил.

«Везу тебя к старой женщине, – сказал он. – Ты останешься у нее, будешь ей помогать».

«Она шаманка?» – спросил Креж.

Грах помедлил и ответил: «Да».

Свет разрастался, жалил глаза. Что там, с другой стороны гор? Креж собрался с силами, выглянул в окно. И увидел знакомую пустыню.

Она простиралась до горизонта, растрескавшаяся, каменистая – бескрайний плавильный котел. Мутный воздух дрожал, в вышине горело багряное солнце.

Дом старухи прятался у края бесплодной земли, в тени скал, а поодаль росли колючий кустарник и корявые, изогнутые деревья. Креж чувствовал, как их корни вгрызаются в землю, уходя на немислимую глубину.

Хозяйка дома стояла на пороге, махала руками. Маленькая, сморщенная, в мешковатой одежде.

«Здравствуй, Маа, – сказал Грах. – Я привез тебе батареи и припасы. И духа. Не отказывайся. Излучение все сильнее, в твоём возрасте обычной защитой не обойтись».

Так Креж остался у новой хозяйки.

Она ничего от него не требовала, каждый день питала золотистой силой и подолгу спрашивала о верхнем мире. А после – через две луны или три – занемогла, разговаривать почти перестала.

В тот день Маа затворила дверь в дом, но сквозь щель Креж видел, как она сидит за столом, пишет и то и дело закрывает глаза, судорожно глотает воздух. Потом она доковыляла до порога, впустила Крежа, а сама легла на кровать.

«Грах хотел как лучше, – прошептала Маа. – Но я не стану мучиться. Отдам тебе все силы, только ты смотри не растеряй. Не мешкай, прыгай сразу, тогда должно хватить. Возвращайся домой».

Дрожащие нити потекли от ее рук, опутали Крежа. Затуманенные, зыбкие ростки, но полные живительной силы. Сердце забило быстрее, мысли помчались одна за другой, надежда вспыхнула в сердце, а тяжесть словно исчезла. Нельзя, нельзя выпивать без остатка чужую силу, это знают все странники по мирам. Но если она отдается сама? Креж не мог отказаться. Ловил золотые лучи, пока не угас последний, пока не истаял самый слабый след.

Маа лежала неподвижно. Нет, не Маа – пустая оболочка. Креж не стал тратить время, бормотать слова благодарности. Помнил: мешкать нельзя.

Выбежал в распахнутую дверь, промчался мимо колючих зарослей и прыгнул.

Восьмой мир встретил его лиловым ветром и пыльной степной травой. Здесь цвела жизнь, а значит, можно было двигаться дальше.

Так Креж и выбрался. Доковылял до Дворца, упал в ноги Королеве. И она приютила его, позволила жить на безопасной земле.

Только теперь все кончилось.

Последний лазурный отблеск погас, горы скрыли закатное солнце. Еще миг – и опустится тьма.

– Ица, – сказал Креж. И не узнал собственный голос, так ясно он звучал, так бесстрашно. – Все, что я рассказывал про шамана, – правда. Он жестокий и могущественный. Но у него есть слабость – друзья и родные, те, к кому он привязан. Запомни это и используй, если сумеешь.

Ответ Ицы он не услышал.

Плечо обожгла боль, клеймо ожило, загудело. Закоченели руки и ноги, а в кожу будто впились сотни натянутых нитей. Как же больно, как тяжело, как холодно, как жарко! Нет, нет, не вынести, лучше умереть, задохнуться, исчезнуть! Пусть...

Нити лопнули, ошпарили напоследок, и боль ушла. Но Креж не смог шевельнуться – тело стало тяжелее гор. Горячая пыль забила горло, дыхание вырвалось мучительным всхлипом. Было ли по-другому? Или возвращение домой лишь грезилось, а теперь закончился этот сон?

– Неужели! – прогремел знакомый голос.

Креж поднял глаза.

Шаман возвышался над ним, почти прежний: черные косицы перевиты алыми шнурами, губы кривятся в усмешке, а через скулу тянется незнакомый шрам.

– Не думал, что увижу тебя снова, – сказал Грах. – Что ж, нам есть о чем поговорить.

Мимо метнулась белая тень, скользнула лунным бликом и пропала. Ица, понял Креж. Сбежала, спряталась, а шаман ее не заметил.
Креж улыбнулся и закрыл глаза.

Глава 3

Остановка

Подножия гор мерцали.

Или чудилось? Повозка качалась, под полом взвизгивали поршни, мешали сосредоточиться. Риз протер глаза, встал на цыпочки и прижался лбом к стеклу. Рядом вздохнул Куго, но прогонять не стал.

– Ну? – спросила из-за плеча Хиша. – Видно что-нибудь?

– Нам еще час ехать, – напомнил Куго и щелкнул переключателем. Нутро вездехода затряслось, железное сердце взвыло и тут же успокоилось, забило ровно. – Рано еще.

Целый час! Но Риз не отошел от окна – замер, вгляделся пристальней. Хорошо, что Нивер в другой комнате – нет, в другом отсеке, так это называется, – а то прогнал бы от окна. Поручил бы какое-нибудь дело или стал бы проверять, запомнил ли Риз, для чего какой рычаг нужен. Нивер оказался строгим наставником. Не то что Куго.

– Может, так? – Хиша стиснула плечо Риза. – Теперь видно?

От ее прикосновения кровь зазвенела, перед глазами заплясали золотые искры. Слепили на миг – и растворились. Цвета стали ярче, стекло – прозрачней, и шум уже не мешал.

Нет ничего невозможного.

Должно получиться. Нужно просто смотреть вперед.

Сквозь окно, сквозь дрожащий воздух – на пустыню, на желтые и бурые пятна. На черные росчерки трещин, на выбоины и валуны. Дальше, дальше, сквозь зной, сквозь бескрайний мертвый простор, к гряде гор, сумрачных, неразличимых. Нет, различимых! Вот острые пики, изломы перевалов, уступы и отроги. Они так далеко, но видны отчетливо. А вот и мерцающий полог у края равнины, переливается синим и алым, взлетает над тонкими опорами. А еще выше парит птица, цвета здешней зари, только глаза серебристые, бездонные зрачки, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.